

РОМАН ДЖ. БЭНВИЛЛА «КЕПЛЕР» В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ

В.П. Городецкий

Аннотация. В статье определяется место и роль протестантской трудовой этики в концепции образа главного героя романа Джона Бэнвилла «Кеплер» (1981). Предлагается новый подход к рассмотрению текста романа и мотивировки действий героя, великого ученого-астронома Иоганна Кеплера, через призму лютеранской парадигмы отношения к труду и угодного Богу призвания. Постулируется идея о наличии прямой связи между протестантской трудовой этикой и научным рвением Кеплера, которая отражается в его концепции мира (красота и гармония божьего мира как идеального расчета), его поступках (каждодневный научный труд) и ценностных установках (идеи пользы, успеха, преуспеяния, вины и долга). Протестантская этика (важность созерцания и упорного труда, стремление наиболее полно реализовать свое личное призвание, истовость в служении Богу и общественному благу и др.) выводится писателем как важнейшая мотивировка в образе великого ученого-астронома. Создавая биографический образ Кеплера, осознающего богоугодность своих трудов, но проходящего через годы физических тягот, лишений и непризнания, а также сомнений в правильности собственных научных гипотез, Бэнвилл связывает в единое целое героев своей научной трилогии, великих Коперника, Кеплера и Ньютона.

Ключевые слова: Дж. Бэнвилл, Кеплер, протестантская трудовая этика, М. Вебер, М. Лютер, реформация, призвание, богоизбранность.

A NOVEL “KEPLER” BY JOHN BANVILLE IN THE CONTEXT OF PROTESTANT WORK ETHIC

V.P. Gorodetskiy

Abstract. The article defines the place and role of the Protestant work ethic in the creative interpretation of the main character, the great scientist astronomer Johann Kepler, in John Banville's novel “Kepler” (1981). A new approach, which involves reconfiguration of suggested reasons and motives of the hero's deeds, is proposed through the prism of the Lutheran paradigm and its particular attitude to work and God-pleasing vocation. The article argues a direct connection between the Protestant work ethic and Kepler's scientific zeal, which is reflected in his concept of the world (the beauty and harmony of God's world as an ideal calculation), his actions (everyday scientific hardwork) and values (the ideas of utility, success, prosperity, guilt and duty). Protestant ethics (the importance of contemplation and hard work, the desire to fully realize one's personal vocation, fervor in the service of God and the public good, etc.) is deduced by the writer as the most important motivation in the image of a great scientist. Creating a biographical portrait of Kepler, who is aware of the goodness of his works, but goes through years of physical hardships, privation and rejection, as well as doubts about the correctness of his own scientific hypotheses, Banville connects the heroes of his scientific trilogy, the great Copernicus, Kepler and Newton.

Keywords: J. Banville, Kepler, Protestant work ethic, M. Weber, M. Luther, reformation, vocation, God's chosen.

В 1905 г. выдающийся немецкий социолог, историк и экономист Макс Вебер пишет один из своих самых известных трудов в области экономической социологии «Протестантская этика и дух капитализма». Анализируя историко-культурную ситуацию в религиозной жизни Германии, Вебер среди прочего выделяет основные позиции, характерные для мировоззрения протестантов и их отношения к труду. Главным различием, по мысли ученого, между католиками и протестантами является их отношение к созерцанию. Несмотря на то, что для сторонников Старой Церкви «свойственно и созерцание жизни, и [...]”практический дух”, “практичность”, стремление проникнуть в гущу повседневной жизни» [Сравнительный анализ этических систем: католицизм, православие, протестантизм, прагматизм, коммунизм], вопрос о созерцании мира, души и Бога является первостепенным. Так, апологет католической церкви Блаженный Августин в трактате «О граде Божьем» выделяет один из основополагающих параметров созерцания – просвещение. В католической парадигме именно созерцание становится универсальным способом общения к Богу и идеалу («созерцая, просвещается; прилепляясь, увеселяется. Есть, созерцает, любит. В вечности Божией получает крепость; в истине Божией сияет светом, в благодати Божией радуется» [Блаженный Августин, 1994, с. 145]).

Как отмечает Макс Вебер, в религиозной системе координат реформаторов место созерцания занимает активная деятельность. В этом контексте Вебер подходит к формулировке нового постулата лютеранской парадигмы, лежащего в основе всего реформаторского мировоззрения – основой новой религиозно-философской системы становится труд.

Еще одним интересным аспектом протестантской этики оказывается вопрос о призвании человека. Вебер отмечает, что для лютеран призвание – это *«требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его»* [Вебер]. Таким образом, оказывается совершенно неважным, в какой сфере трудовой деятельности прославлять Бога. Так, по Веберу, *«профессиональное призвание есть то, что человек должен принять как веление Господне, с чем он должен «мириться»* [Вебер].

Именно в период становления нового ответвления в христианстве, последующих за этим религиозных гонений и войн, а также зарождения капиталистического строя и, как следствие, нового этико-философского комплекса идей жил великий ученый-астроном Иоганн Кеплер. За годы своих трудов он в одиночку открыл и математически обосновал три закона движения планет, тем самым модернизировав и упрочив позиции коперниканской системы. После того, как Кеплер сформулировал свои астрономические законы с точки зрения гелиоцентрической картины мира, попытки реанимации системы Птолемея больше не предпринимались.

Роман известного ирландского писателя Джона Бэнвилла «Кеплер» (“Kepler”, 1981) повествует о том периоде жизни выдающегося немца, когда им были сделаны все его значительные открытия. В российском литературоведении творчество Бэнвилла изучено избирательно [Садовская, 2011], а по романам «Научной трилогии», кроме кратких обзоров [Джумайло, 2018], вовсе нет никаких

исследований. В зарубежном литературоведении ситуация несколько иная. По творчеству Бэнвилла, и в частности по романам «Кеплер», «Доктор Коперникус» (“Doctor Copernicus”, 1976) и «Письмо Ньютона» (“The Newton Letter”, 1982), англоязычными исследователями, среди которых Рюдигер Имхоф [Imhof, 1989], Дерек Хэнд [Hand, 2002], Бевин Дойл [Doyle, 2015], Брайан Стивен Макилрой [McIlroy, 1992] и Джозеф Макминн [McMinn, 1991], был написан ряд монографий. Но при этом в своих трудах зарубежные литературоведы не обращали внимание на наличие в романе «Кеплер» протестантской системы взглядов и ее влияния на поведенческие характеристики главного героя. В данном случае использованный Бэнвиллом концепт призвания в протестантской трудовой этике приобретает в контексте романа функцию мотивировки персонажа для достижения им «общехудожественно-психологического задания» [Жирмунский, 1928 с. 151]. Именно рассмотрение основных идей протестантской трудовой этики как основы для конструирования образа и мироощущения героя-ученого, а также понимания интенциональной логики и внутренней мотивировки персонажа составляет научную новизну данной статьи.

Вопрос призвания и собственной посвященности определенному ремеслу и профессии в целом является для Кеплера одним из основных. В романе Бэнвилла Иоганн Кеплер, еще не будучи ученым-астрономом, пока не ощущает своего особого предопределения, не понимая, что жизнь обычного школьного учителя не для него. Но это видят все окружающие, начиная с учеников, от которых Кеплер требует исключительного усердия в изучении предметов, до ректора школы, не раз журящего молодого учителя за его рвение в стремлении передать свои знания ученикам («*You tend to rush at things, I think, forgetting perhaps that your students do not have your quickness of mind*» // «Вы слишком рьяно, кажется, приступаете к предметам и забываете, быть может, что ученики не обладают вашим скорым соображением» [Banville, 2012, с. 16]). На достаточно добродушно высказанные претензии ректора в адрес Кеплера последний признается, что его «*в сторону уводит cupiditas speculandi*» (прим. «страсть к исследованиям» // «*it is my cupiditas speculandi that leads me astray*» [Banville, 2012, с. 16]). Кеплер постепенно понимает, что пределы «штифтшуле» (аналога современной средней школы) слишком малы для него, они не предполагают его размаха мысли и замыслов, но самое главное – это не его дело жизни. По ходу развития сюжета сама судьба приводит его к истинному, только для него определенному поприщу.

В рамках протестантской этики предполагается, что человек удостоится Божьей похвалы только в том случае, если он будет усердно и неотступно заниматься тем, к чему он призван в этой жизни. Такой областью для романного Иоганна Кеплера становится астрономия. Но перед ним встает главный вопрос: как понять, что эта сфера именно *твоя*? Отцами лютеранской церкви вопрос решался достаточно просто: во-первых, твой труд должен быть полезен для общества (но об этом мы можем судить лишь только с исторической перспективы сегодняшнего дня, во времена самого Кеплера необходимость или целесообразность его штудий были под

большим вопросом – стоит вспомнить хотя бы судьбу Джордано Бруно); во-вторых, богоугодность выбранной профессии детерминируется возможностью и успешностью реализации талантов и способностей человека. В своих размышления «О рабстве воли» Мартин Лютер писал, что *«мы все совершаем по необходимости, а не по свободной воле, потому что сила свободной воли – это ничто, она ничего не может, если нет Божьей благодати, она не способна ни на какое добро»* [Лютер, 1994, с. 188]. Именно таковой предрешенной необходимостью становится для Кеплера астрономия. С этого момента Кеплеру приходит понимание того, что астрономия – это его призвание и дело всей жизни, и с фанатичным рвением и неотступностью Кеплер начинает исследовать Солнечную систему и мирозданье в целом.

Ю. Белый в своем труде «Иоганн Кеплер» приводит следующие слова ученого: *«Я хотел стать теологом и долго пребывал в мучительном беспокойстве. Теперь я, однако, вижу, что при усердии могу прославить Бога и в астрономии»* [Белый, 1971, с. 34]. Такая позиция может по праву считаться истинно лютеранской и вытекающей из идей протестантской трудовой этики. Говоря о призвании, нельзя не отметить слова еще одного персонажа – старого еврея – точильщика линз Виклемана, который в разговоре с Кеплером произнес: *«You will do great things, that's plain» // «Вы созданы для великого, это мне ясно»* [Banville, 2012, с. 32].

Знаки призвания в романе оказываются для Кеплера также и материальными. Например, его жена фрау Кеплер в разговоре со своим отцом Йобстом Мюллером приводит следующий факт: *«He says, he says he has the mark of a cross on his foot, at the place where the nails were driven into the Saviour, which comes and goes, and changes colour according to the time of day» // «Говорит, говорит, у него крестный знак на ноге, там, где вонзили гвоздь Спасителю, и, мол, этот крест то видно, то не видно, и в разное время дня он цвет меняет»* [Banville, 2012, с. 13]. Эта цитата показательна в том отношении, что тон, с которым Барбара рассказывает об этом отцу, представляется насмешливым, несерьезным и даже снисходительным. Но для самого Кеплера это, напротив, становится некоей особенной печатью, которой его отметил сам Бог. Интересно, что в данном случае эта печать оказывается и клеймом, и стигматами. Получается, что Кеплер выступает в роли того субъекта, которого позже, в XX в., М. Фуко назовет *«персоной прокаженного»*, исключаемого из социальной группы и очерченного *«сакральным кругом»* отвержения [Фуко, 1997, с. 520]. Таким образом происходит его стигматизация и невозможность идентификации себя с социумом. А подобная неспособность индивида уже дает обществу *«право применять карательные процедуры»* [Набойченко, 2009, с. 33]. Не зря Барбара саркастично добавляет: *«Although I cannot see it, I suppose because I am not one of your elect» // «Хоть я-то его не вижу, креста этого, знать, потому, что не из вашего брата, избранных»* [Banville, 2012, с. 13].

Примечательно, что Барбара и ее отец исповедуют католицизм, и для них Кеплер в этом смысле уже во второй раз становится чужим, а его наука, ровно как и религия, – совершенно чуждой и даже неприемлемой. Кроме того, намеки на особый путь Кеплера и его предназначение четко прослеживаются также в

эпизодах его болезни. Но каждый раз он выходит из агонии с осознанием еще не выполненного долга. К своей цели он идет через годы отвержения его трудов, непонимания, ошибок и сомнений в правильности и необходимости исследований (*«I confess, Doctor, I fail sometimes to understand the ways of God» // «Признаюсь, доктор, порой я перестаю понимать пути Господни»* [Banville, 2012, с. 59]). Кеплер как истинный протестант идет к осуществлению своего предназначения неотступно, неустанно и без оглядки на собственное здоровье и невзгоды (*«I had gained much skill in geometry, and had invented many new mathematical methods which were to prove invaluable in the renewed Martian campaign. Had my circumstances been better, perhaps I would have done it more quickly, but I was ill with an infection of the gall» // «я поднатопел в геометрии и придумал много новых приемов математических, бесценных в новом моем походе против Марса. Будь обстоятельства мои полегче, дела, быть может, шли бы побыстрее, но я страдал заражением желчного пузыря»* [Banville, 2012, с. 69]).

Согласно протестантской трудовой этике, Кеплер ради достижения цели и прославления Бога и Его творения отказывается от праздности, утех и отдыха, потому что ему *«суждено свести все это воедино, заставить петь. И этот перл суждено выискать ему, Кеплеру»* (*«It would be Kepler's task to draw it together, to make it sing. The pearl, for Johannes Kepler to find»* [Banville, 2012, с. 18]).

Возвращаясь к вопросу полезности труда каждого индивида, стоит отметить, что идеи Кеплера и его научные изыскания, как мы уже отметили, в романе оказываются недоступны большинству, но сам герой-ученый в то же время понимает, что именно это и есть путь в будущее, что разгадка тайн Вселенной поможет человечеству прийти к новым достижениям. Только понимание того, что его труд угоден Богу и в будущем окажется ненеправильным, помогает Кеплеру продолжать изучение мироздания. В этом смысле протестантский подход к жизни и труду оказывается стоическим и в некоторой степени дающим надежду (*«Yet, as ever, I am not despondent, but put my trust in God and my science» // «Однако, по своему обыкновению, я не отчаиваюсь, положась на Бога и на мою науку»* [Banville, 2012, с. 70]).

Мартин Лютер полагал, что человеку для спасения не нужно ничего, кроме веры. Он не нуждается в каких-то дополнительных увещеваниях и доказательствах. Но помимо веры, по Лютеру, не менее важным условием для спасения было наличие суверенной свободы. В этом случае определение меры *праведности* поступков оставалось личным делом протестанта.

Бесспорно, в этом отношении немаловажным был факт обладания свободой, достаточной для осуществления своего предприятия. Так, понятие свободы вышло из сферы чисто религиозного понимания и распространилось на общественную жизнь. Следы этой трансформации видны в исторической канве романа Дж. Бэнвилла «Кеплер». *«He was free, there was that at least» // «Он был свободен – хоть это на худой конец»* [Banville, 2012, с. 33]. Кеплер достаточно ревностно относится к своей персональной свободе, без которой он не мыслит как спокойное

и поступательное научное исследование, так и достижение в нем успехов. Но постоянные переезды и гонения на протестантов очень сильно усложняют ему жизнь. Свобода мыслится Кеплером как единственное условие для познания мира и раскрытия его тайн.

Понятно, что времена XVI–XVII вв. совершенно невозможно характеризовать как веротерпимые или хотя бы спокойные. В ту эпоху в номинальном государстве Священной Римской империи уже наметились тенденции к явной децентрализации. Вследствие этого была проведена «имперская реформа», которая была призвана стабилизировать ситуацию и укрепить центральную власть; государство находилось в состоянии назревающих крупных правовых и, самое главное, религиозных конфликтов, приведших позже к небезызвестной Тридцатилетней войне. Живя во времена еще только намечающейся эпохи, которая в немецкой историографии называется *Konfessionelles Zeitalter* (Конфессиональная эпоха), Кеплер не мог рассчитывать на терпимый подход к возможному сосуществованию как минимум трех религий. Представления о таком обществе, в котором спокойно бы уживались различные взгляды на жизнь, религию, политику и право, пока что имеет место в его мечтах.

Но, с другой стороны, нельзя не отметить и того радикального реформаторского рвения, которое «*в конечном итоге приведет Империю к Тридцатилетней войне. Немецкие кальвинисты хотели добиться признания своей конфессии на уровне Империи*» [Бережная, 2014, с. 66]. В этот момент оппозиция свой–чужой актуализируется как никогда раньше. Реформаторское и контрреформаторское мировоззрения радикально поляризуют немецкое и в целом имперское общество. Понятие суверенной и общественной свободы у протестантов становится катализатором тотальной стигматизации католического (контрреформационного) общества как территории тотального контроля, деспотии, самодурства, препятствия к просвещению и полного отсутствия свободы как таковой («*the Archduke was a rabid Catholic*» // «*эрцгерцог был бешеный католик*» [Banville, 2012, с. 15]). Именно тогда поднимается вопрос о конформистском переходе или *возвращении* из реформаторской веры в католическую. Но для истых протестантов даже постановка подобного вопроса была невозможна. Именно поэтому Кеплер очень негативно реагирует на предложение отца Барбары принять католичество и вернуться к мирной жизни («*mine is the reformed Church, I recognise no other*» // «*моя церковь реформаторская, другой не признаю*» [Banville, 2012, с. 30]). Реформация становится синонимом слова «свобода». Для протестантов, подвергавшихся реальным гонениям за свою религиозную принадлежность и религиозное инакомыслие, этот факт становится очевидным. Поэтому само нахождение, так сказать, на *протестантской территории* уже становится для реформаторов спасительным и умиротворяющим.

Вопрос о суверенной свободе индивида в рамках протестантской этики распространяется в том числе и на сферу его деятельности. Иоганн Кеплер, вынужденный работать под руководством Тихо Браге, стремится к проявлению собственной инициативы и беспрепятственному изучению Солнечной системы. Для него успех

в исследовании — следствие наличествующей свободы действий и применения материалов. Интересно, что в этом смысле Кеплер фактически вторит своему французскому современнику Рене Декарту, так как, с точки зрения картезианства, человеку присуще сознание «свободы своей воли», которое сопряжено «с твердой решимостью пользоваться этой свободой как подобает» [Декарт, 1989, с. 548]. Более того, стоит отметить, что и взгляды главного героя Джона Бэнвилла относительно открытия мирового порядка также успешно коррелируют с теорией Декарта, о чем речь пойдет позже. Но, с другой стороны, в отношениях с Тихо Браге Кеплер также сталкивается с несвободой академической и социальной.

Всегда будучи, как и любой другой гений и творец, ревностным и последовательным проводником своих убеждений (*«In the matter of faith he was stubborn»* // «в вопросах веры он был упрям» [Banville, 2012, с. 97]), Кеплер все же не мог не понимать, что его упрямство не всегда было на пользу ему и его семье. Уже на излете своей жизни Кеплер, рассуждая о сделанном и несделанном и считая себя ответственным за судьбы мира, ощущает боль и страдания за весь народ и всю страну. Что он сделал для того, чтобы этот мир стал лучше? Что он не сделал для того же? Где он оступился? Или где был недостаточно решительным и последовательным? И самый главный вопрос: насколько его собственная внутренняя неустроенность проецируется на все общество? И насколько он ответственен за этот мир? Даже понимая некоторую гипертрофированность своего представления, Кеплер осознает, что он тоже вносит свой вклад в жизнеспособность мира и человечества, и то, что он не сделал, возможно, стало причиной общего упадка.

Говоря о вере, Мартин Лютер подчеркивает, что только ею «достигается безграничное единение Бога с человеческой душой, спасение в вечности и обеспечиваются добрые дела в этой жизни» [Лютер, 2013, с. 239]. С этого ракурса показательными становятся слова умирающего Кеплера, который подмечает: *«We must take it all on trust. That's the secret. How simple!»* // «И остается все принимать на веру. Вот в чем секрет. Как просто!» [Banville, 2012, с. 114]. Только вера Кеплера в то, что существует мировая гармония и что мир существует по конкретным геометрическим (а это, в понимании Кеплера, и значит по божественным) законам. Как писал Ю. Данилов, «основной доминантой научного творчества Кеплера при всем разнообразии тем и подходов была идея гармонии мира — поиск того предустановленного порядка, который вложил в своё творение Господь Бог» [Гармония и астрология в трудах Кеплера]. Герой Бэнвилла мыслит себя строго в рамках своей религии: *«God is great, and I am his servant»* // «Господь велик, а я слуга Его» [Banville, 2012, с. 90].

Но, по Лютеру, вера должна существовать в сочетании с делами [Лютер, 1994, с. 121]. А главным свидетельством того, что добрый христианин находится на верном пути и добросовестно трудится на благо общества и прославления Бога, являются плоды его успешных трудов.

Мысль о достижении высот на своем поприще в рамках протестантской трудовой парадигмы является одной из центральных. Говоря об успешности, важно

понимать, что это такое и какими параметрами она обладает. В первую очередь, успешность — это *индивидуальное* качество личности, характеризующееся ее способностью достигать поставленных целей и получать из этого определенную выгоду. В этом свете важно понять, что успех и удача не являются синонимами. Для протестанта успех — закономерный итог его трудов, «*сочетание самого ревностного благочестия с очевидными практическими способностями*» [Вебер], при том что протестанты были искренне уверены, что «*Бог дарует своим избранникам успех в труде*» [Вебер]. Но интересно, что при этом труд является и неким актом покаяния. Протестант не просто трудится ради самого труда, но, трудясь, он проходит обряд покаяния.

Как отмечает в своем монументальном труде «Основы религиоведения» И.Н. Яблоков, «*признаком оправдания становится не столько глубина чувства покаяния, сколько энергия и результаты усилий, способные свидетельствовать о действии в верующем человеке избравшего его Бога*» [Яблоков, 1994, с. 151]. То есть успех в этом смысле становится результатом искреннего покаяния и маркером избранности. И чем больше человек успешен в этом мире, тем больше его любит Бог. Так, «*успех в предпринимательстве может рассматриваться как свидетельство возможной избранности*» [Яблоков, 1994, с. 151]. Вопрос об успешности Кеплера проходит невидимой нитью через все пространство романа. Как таковой он не задается, но между строк читается переживание Кеплера о том, что он не достигнет успехов («*He spent the days locked in his study, tinkering with work, writing letters, going over yet again his hopelessly unbalanced accounts*» // «*Дни свои он проводил, затаившись в кабинетике, кое-как работал, писал письма, вновь и вновь проверял упорно не сходившиеся расчеты*» [Banville, 2012, с. 29] или же в будущем его открытия окажутся невостребованными («*Sailors, though, would bless his name, explorers and adventurers*» // «*да, ему будут благодарны моряки, и путешественники, отважные исследователи*» [Banville, 2012, с. 94]). Эта проблема оказывается для него действительно важной, подводящей итог всей его жизни, дающей ему право наконец сказать: «*O, yes! I am a great man!*» // «*О да, я великий человек!*» [Banville, 2012, с. 56].

Со временем мысль известного пуританского богослова XVI в. Ричарда Бакстера о том, что, во-первых, следует отдавать все время своей законной профессии, за исключением того времени, которое ты посвящаешь Богу, во-вторых, нужно трудиться по мере сил, следуя своему призванию, и в-третьих, должно стремиться иметь призвание — было несколько изменено. Из труда Вебера также следует, что в рамках профессии, выбранной согласно призванию, каждый протестант стремится к развитию своих способностей, наибольшему успеху и извлечению законной прибыли [Вебер]. В этом процессе главную роль играют деньги, ресурс, трансформировавшийся с течением времени в трансцендентный и иррациональный феномен, заменяющий собою такие концепты, как «счастье» и «польза», становясь в итоге естественным лейтмотивом капитализма [Вебер]. Наличие этого ресурса впоследствии станет залогом нравственного одобрения и моральной поддержки. Но, с другой стороны, «*роль денег фиксирует смысл, то, для чего они существуют, помимо*

экономического значения. Он вскрывает трансцендентальную реальность человека в ее культурно-историческом бытии. В этом смысле роль денег является таким архетипом» [Васильева, 2011, с. 17].

Главного героя долгое время гнетет невозможность нахождения им оплачиваемой работы, из-за чего он вынужден опираться на доходы своей жены Барбары (*«It rains me to be dependent upon the revenues from my wife's modest fortune»* // «Мне горько зависеть от доходов со скромного состояния жены» [Banville, 2012, с. 70]). Понимая всю важность своих штудий по изучению небесной геометрии и открытия законов движения планет, Кеплер все же не пренебрегает составлением астрологических гороскопов, которое дается, благодаря его талантам, достаточно легко. Так, Кеплер, посвящая себя великой науке, все-таки параллельно приходит к конвертации своих талантов и умений, что приносит ему неплохой и стабильный доход от составления мореходных карт и календарей.

Одной из главных «заповедей» протестантской трудовой этики является сохранение честного имени в ведении дел с партнером и честность в отношении с работниками. Но для императора-католика, очевидно не принадлежащего к протестантской парадигме мышления и отношения к деньгам, подобные принципы являются чуждыми и даже смешными (*«the Emperor was not the most prompt of paymasters»* // «император не славился щедротами и точностью выплат» [Banville, 2012, с. 81]). Император может с легкостью и великодушием издать указ о выплате Кеплеру 4000 флоринов, которые ему задолжала корона, но после этого окажется, что в казне этих денег нет и они вряд ли когда-нибудь появятся. Несмотря на то, что Кеплер – уже пожилой и больной человек, он отправляется в Регенсбург, чтобы получить причитающиеся ему по закону средства (*«He used as excuse the moneys owed him by the crown»* // «Предлогом избрал он деньги, которые ему задолжала корона» [Banville, 2012, с. 109]).

В «Закате Европы» Освальд Шпенглер высказал мысль о том, что «цивилизация означает такую степень культуры, на которой традиция и личность утратили свое непосредственное значение, и всякая идея, чтобы реализоваться, должна быть вначале осмыслена в деньгах» [Шпенглер, 1993, с. 515]. Идея Шпенглера показательна в том, что нужно оттолкнуться от слова «деньги» и представить их не как конкретное материальное благо, выраженное в купюрах или монетах, а как некую итоговую цель, при достижении которой человек получит вознаграждение как таковое. Таким образом, идея чего-либо становится осуществимой только в том случае, если ее обладатель видит в ней потенциал для получения чего-то большего и, как следствие, наличие в ней сверхмиссии, внутреннего векторного стремления к чему-либо. В этом случае в рамках протестантского дискурса имманентная сущность капитала оказывается сродни, если не сказать идентичной, сущности врожденных человеческих талантов и, следовательно, его богоугодности. «Прибылью» же в широком смысле этого слова становится тот успех и желаемая цель, которых в своей жизни достигает человек.

С этой точки зрения интересно посмотреть на роман «Кеплер», где модель мышления и поведения главного героя четко соответствует протестантской трудовой парадигме. Капиталом для Кеплера являются его знания и его избранность Богом (данная свыше стезя с целью прославления Господа, выполнения своего долга и стремления к полезным целям), а прибылью, которую он вправе получить за свои успехи, – польза, принесенная обществу, и научное бессмертие.

Вальтер Беньямин в статье «Капитализм как религия», входящей в сборник «Учение о подобии», фокусирует внимание на находящемся в основе капитализма как своего рода разновидности религии концепте *Schuld*, понимаемого одновременно как вина и долг [Беньямин, 2012]. Для Иоганна Кеплера в романе использование своих природных талантов и знаний для необходимого, с его точки зрения, достижения бессмертия фактически становится беньяминовским культом. Кеплер верит в свое предназначение, которому он действительно постоянно и с фанатическим упорством служит («*when I set about deciphering the code, I was nearly driven out of my mind*» // «взялся разгадывать шифр, и чуть ума не решился» [Banville, 2012, с. 83], «*He had been working without cease for six months*» // «полгода работал он без устали» [Banville, 2012, с. 18]). Такое служение представляется тем самым необходимым условием для осуществления этого предназначения, и только неусыпное пестование культа может дать настоящие плоды («*showed me at once*» // «меня тотчас надоумило» [Banville, 2012, с. 90]) и по-настоящему вознести и обессмертить его имя («*I had a means of computing the Martian orbit*» // «в моей власти вычислить орбиту Марса» [Banville, 2012, с. 90]). По мысли выдающегося пуританского теолога Ричарда Бакстера, наивысшей нравственной задачей для протестанта является беспрекословное выполнение своего долга ученого и безраздельное стремление к общему благу. Ровно в том же ключе мыслит и Кеплер, который на очередном сложном этапе своей в целом непростой жизни, раздумывая о том, правильно ли он поступает и что из этого выйдет, говорит: «*I have done great work, which some day shall be recognised for its true value*» // «Я сделал великую работу, когда-нибудь ее оценят по достоинству» [Banville, 2012, с. 79]).

Беньяминовская *вина-долг* для героя-ученого, с одной стороны, становится своеобразным двигателем и катализатором для продолжения трудов, а с другой – оказывается и неким иррациональным страхом перед миром и Богом за возможное неисполнение его воли и неспособность реализовать свои таланты [von Soosten, 2003, с. 122]. Уже на предсмертном одре Кеплер признает превосходство веры перед рациональным проникновением в предмет изучения и созерцания; он понимает, что его мечты об объяснении мира и разгадке его тайн оказались неосуществленными: он в полной мере обрел стезю ученого, но в то же время ему не удалось в полной мере исполнить великие задачи и объяснить гениальный замысел мироустройства. Однако обратим внимание на то, что личная перспектива оценки героем своих свершений в романе со всей очевидностью не совпадает с оценкой читателя, из перспективы времени смотрящего на гениального ученого с чувством преклонения перед его заслугами. Возможно,

вводя в роман о Кеплере биографическую и историко-культурную мотивировку, Бэнвилл стремился указать на особый путь, проделанный ученым к свободе научной мысли во имя Бога.

Как показали выше, протестантская этика (важность созерцания и каждодневного упорного труда, стремление наиболее полно реализовать свое личное призвание, истовость в служении Богу и общественному благу и др.) выводится писателем как важнейшая мотивировка в образе великого ученого-астронома. Кеплер понимает собственную стезю и богоугодность своих трудов, он реализует свой потенциал на предназначенном ему профессиональном поприще и не покладая рук работает на благо всех людей, проходя через годы физических тягот, лишений и непризнания, а также сомнений в правильности собственных научных гипотез. Кеплер умер, не получив полного прижизненного признания своих открытий, но именно они впоследствии помогли другому гению науки и верующему человеку – Исааку Ньютону (герою следующего романа Бэнвилла «The Newton Letter») – создать теорию тяготения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белый Ю.А. Иоганн Кеплер. 1571–1630. М.: Наука, 1971. 296 с.

Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. 288 с.

Бережная Н.А. Власть и конфессия в Пфальце в середине XVI в.: спор о евхаристии в корреспонденции Фридриха III // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 2014. Вып. 11. С. 66–89.

Блаженный Августин. О граде Божием. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 283 с.

Васильева И.А. Деньги как феномен культуры: к вопросу о границах культур-философского исследования // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2011. № 3. С. 12–18.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. URL: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.pdf (дата обращения – 28 апреля 2019 г.).

Данилов Ю.А. Гармония и астрология в трудах Кеплера. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000050/index.shtml> (дата обращения – 3 мая 2019 г.).

Декарт Р. Страсти души // *Сочинения в 2-х т. Т. 1*. М.: Мысль, 1989. С. 481–572.

Джумайло О.А. Гениальный ученый как «герой нашего времени» в художественном дискурсе 1980–2010-х гг. // *Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 3 (32). С. 68–79.

Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы Ленинград: ACADEMIA, 1928. 358 с.

Захаров Н.Л. Сравнительный анализ этических систем: католицизм, православие, протестантизм, прагматизм, коммунизм. URL: https://bio.spbu.ru/science/scienceinfo/el_resource.php (дата обращения – 5 мая 2019 г.).

Лютер М. О рабстве воли // Лютер М. Избранные произведения. СПб.: Андреев и согласие, 1994. С. 185–382.

Лютер М. О свободе христианина. М.: Издательство «ARC», 2013. 728 с.

Набойченко Е.С. Влияние общественного мнения на стигматизацию ребенка с атипичной внешностью // *Специальное образование*. 2009. № 2. С. 29–35.

Садовская Т.Е. Трилогия Джона Бэнвилла «Улики»–«Призраки»–«Афина»: проблематика, герой, художественное своеобразие. Диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 142 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Рудомино. Университетская книга, 1997. 757 с.

Шпенглер О. Закат Европы // Шпенглер О. Образ и действительность. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.

Яблоков И.Н. Основы религиоведения. М.: Высшая школа. 1994. 368 с.

Banville John. *Kepler: a novel*. Vintage, 2012. 192 p.

Doyle Bevin. *Indestructible Treasures: Art and the Ekphrastic Encounter in selected novels by John Banville*. Dublin: Dublin City University, 2015. 193 p.

Hand Derek. *John Banville: Exploring Fictions*. Dublin: The Liffey Press, 2002. 189 p.

Imhof Ruediger. *John Banville: A Critical Introduction*. Dublin: Wolfhound Press, 1989. 272 p.

McIlroy Brian Steven. Reconstructing Artistic and Scientific Paradigms: John Banville's The Newton Letter // *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 1992. Vol. 25. Pp. 121–133.

McMinn Joseph. *Scientific Art: The Tetralogy of John Banville*. Vancouver: The University of British Columbia, 1991. 282 p.

Soosten Joachim von. Schwarzer Freitag: Die Diabolik der Erlösung und die Symbolik des Geldes // *Kapitalismus als Religion*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. Pp. 121–144.

REFERENCES

Belyj J.A. *Iogann Kepler. 1571–1630*. [Johannes Kepler] М.: Nauka, 1971. 296 p. (in Russian).

Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediajesteticheskie proizvedenija* [The doctrine of similarity. Media aesthetic works]. М.: RGGU, 2012. 288 p. (in Russian).

Berezhnaja N.A. Vlast' i konfessija v Pfal'ce v seredine XVI v.: spor o evharistii v korrespondencii Fridriha III [Power and confession in the Palatinate in the middle of the 16th century: the dispute about the Eucharist in the correspondence of Frederick III], in

Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni. 2014. Vyp. 11. Pp. 66–89 (in Russian).

Blazhennyj A. *O grade Bozhiem* [About the City of God]. M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1994. 283 p. (in Russian).

Vasil'eva I.A. Den'gi kak fenomen kul'tury: k voprosu o granicah kul'turfilosofskogo issledovanija [Money as a cultural phenomenon: to the question of the boundaries of cultural philosophical research], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie*. 2011. № 3. Pp. 12–18 (in Russian).

Veber M. *Protestantskaja etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Available at: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protostanskaya_etiketa_weber.pdf (accessed 28 April 2019).

Danilov J.A. *Garmonija i astrologija v trudah Keplera* [Harmony and astrology in the works of Kepler]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000050/index.shtml> (accessed 3 May 2019).

Decartes R. *Strasti dushi* [The Passion of the Soul], in *Sochinenija* v 2 t. [Works in 2 volumes] T. 1. M.: Mysl', 1989. Pp. 481–572 (in Russian).

Dzhumaylo O.A. Genial'nyy uchenyy kak "geroy nashego vremeni" v khudozhestvennom diskurse 1980–2010-kh gg. [A brilliant scientist as a "hero of our time" in the artistic discourse of the 1980–2010s], in *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2018. № 3 (32). Pp. 68–79 (in Russian).

Zhirmunskij V.M. *Voprosy teorii literatury* [Questions of the theory of literature]. Leningrad: ACADEMIA, 1928. 358 p. (in Russian).

Zaharov N.L. *Sravnitel'nyj analiz jeticheskikh sistem: katolicizm, pravoslavie, protestantizm, pragmatizm, kommunizm* [Comparative analysis of ethical systems: Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, pragmatism, communism]. Available at: https://bio.spbu.ru/science/scienceinfo/el_resource.php (accessed 5 May 2019).

Luther M. *O rabstve voli* [On the slavery of the will], in Luther M. *Izbrannye proizvedenia* [Selected works]. SPb.: Andreev I Soglasie, 1994. Pp. 185–382 (in Russian).

Luther M. *O svobode hristianina* [On the freedom of a Christian]. M.: Izdatel'stvo "ARC", 2013. 728 p. (in Russian).

Nabojchenko E.S. Vlijanie obshhestvennogo mnenija na stigmatizaciju rebenka s atipichnoj vneshnost'ju [The Influence of Public Opinion on the Stigmatization of a Child with an Atypical Appearance], in *Special'noe obrazovanie*. 2009. № 2. Pp. 29–35 (in Russian).

Foucault M. *Istorija bezumija v klassicheskuju epohu* [The history of insanity in the classical era]. SPb.: Rudomino. Universitetskaja kniga, 1997. 757 p. (in Russian).

Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe], in Shpengler O. *Obraz i dejstvitel'nost'*. T. 1. Novosibirsk: Nauka, 1993. 592 p. (in Russian).

Jablokov I.N. *Osnovy religiovedenija* [Fundamentals of Religious Studies]. M.: Vysshaja shkola. 1994. 368 p. (in Russian).

Banville John. *Kepler: a novel*. Vintage, 2012. 192 p.

Doyle Bevin. *Indestructible Treasures: Art and the Ekphrastic Encounter in selected novels by John Banville*. Dublin: Dublin City University, 2015. 193 p.

Hand Derek. *John Banville: Exploring Fictions*. Dublin: The Liffey Press, 2002. 189 p.

Imhof Ruediger. *John Banville: A Critical Introduction*. Dublin: Wolfhound Press, 1989. 272 p.

McIlroy Brian Steven. Reconstructing Artistic and Scientific Paradigms: John Banville's The Newton Letter // *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 1992. Vol. 25. Pp. 121–133.

McMinn Joseph. *Scientific Art: The Tetralogy of John Banville*. Vancouver: The University of British Columbia, 1991. 282 p.

Soosten Joachim von. Schwarzer Freitag: Die Diabolik der Erlösung und die Symbolik des Geldes // *Kapitalismus als Religion*. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2003. Pp. 121–144.